

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.170.91> EDN: AAFAVM**ДОКТРИНА РАЗУМНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ: ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ И ДОГМАТИЧЕСКАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**

Научная статья

Касаткин С.Н.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-5541-9181;¹ Самарский государственный экономический университет, Самара, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kasatka_s[at]bk.ru)

Предложена: 25.06.2026; Принята: 22.07.2026; Опубликовано: 17.08.2026

Аннотация

Статья предлагает очерк (малоизученной в отечественной литературе) доктрины разумного законодателя, постулирующей существование фиктивного правотворческого субъекта со сверхчеловеческими свойствами агента рационального поведения, которые проецируются на правопорядок и задают стандарты юридического рассуждения. Работа суммирует содержание и статус доктрины, связанные с ней интерпретативные аргументы, а также функции и ограничения. При этом доктрина разумного законодателя оценивается в качестве продукта и инструмента континентальной юридической догматики, что, в свою очередь, показывает ее роль в социальном конструировании и оптимизации права и проблемность применения к ней модели классической науки.

Ключевые слова: доктрина разумного законодателя, юридическое рассуждение, юридическая догматика, толкование права, юридическая аргументация.

THE DOCTRINE OF THE RATIONAL LEGISLATOR: LEGAL REASONING AND DOCTRINAL JURISPRUDENCE

Research article

Kasatkin S.N.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0001-5541-9181;¹ Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation

* Corresponding author (kasatka_s[at]bk.ru)

Suggested: 25.06.2026; Accepted: 22.07.2026; Published: 17.08.2026

Abstract

The article presents an essay on the doctrine of the 'rational legislator', a topic that has been understudied in domestic literature, which postulates the existence of a fictitious law-making entity possessing superhuman characteristics of a rational agent, which are projected onto the legal order and set the standards for legal reasoning. The work summarises the content and status of the doctrine, along with the interpretative arguments associated with it, its functions and limitations. Moreover, the doctrine of the rational legislator is assessed as both a product and an instrument of continental legal dogmatics, which, in turn, highlights its role in the social construction and optimisation of the law, as well as the difficulties involved in applying the model of classical science to it.

Keywords: doctrine of the rational legislator, legal reasoning, legal doctrine, interpretation of the law, legal argumentation.

Введение

Выстраивание правоведения в духе постклассической рациональности обуславливает восприятие правовой реальности как социального конструкта, а правовой теории — как одного из языков конструирования права [4, С. 326–238], опосредующего базовые параметры правопорядка и элементарные юридические операции.

В этом контексте догматическая юриспруденция более не может мыслиться как сугубо внешний, ценностно-нейтральный «метаязык», описывающий независимый от него «язык законодателя». Она выступает соучастницей практик воспроизводства «юридического поля», обеспечивая наиболее рациональную репрезентацию права и аксиоматику правового мышления [2, С. 278]. Отсюда полноценная юридическая наука вбирает догматику в свой предмет, анализируя в том числе то, какие средства использует последняя в оптимизирующем изложении права и каковы ее импликации для правовой теории и институциональной практики.

В русле сказанного статья предлагает очерк одного из ключевых элементов аппарата континентальной догматики — доктрины разумного законодателя, охватывающий ее содержание, стандарты и импликации.

Содержание доктрины

В правовом дискурсе помимо образов реального законодателя, взятого на момент принятия или применения закона, фигурирует также его идеальный образ, получивший название «разумного законодателя» [7, С. 80]. Последний выступает фиктивным правотворческим субъектом со сверхчеловеческими атрибутами агента рационального поведения, которые распространяются на правопорядок и задают стандарты юридического рассуждения. С этих позиций право полагается разумно организованной системой [9, С. 108], а значение официальных актов

реконструируется в свете того, что должен иметь в виду законодатель, а не того, что он фактически имел в виду [5, С. 1898]. В этом качестве доктрина разумного законодателя образует фундамент юридической практики, одновременно являясь ключевым конструктом континентальной догматики [8, С. 251], итогом ее развития (в том числе переноса идей рационалистического юснатурализма на кодифицированное позитивное право) [3, С. 302].

Доктрина разумного законодателя зачастую имплицитна, выступая частью профессиональной культуры юристов, выявляя и обобщая базовые основания правовых суждений. Не имея универсального выражения, она может включать различные (содержательные и формальные, инструментальные и коммуникативные) аспекты [5, С. 1899]. Так, согласно одной из ее версий, разумный законодатель:

- 1) точен в языке самовыражения;
- 2) более свободно и широко излагает свою волю в *travaux preparatoires*;
- 3) строг в организации текста закона;
- 4) уважает конституцию;
- 5) использует соразмерные целям средства;
- 6) не делает ничего лишнего;
- 7) беспристрастен и справедлив;
- 8) обладает предвидением;
- 9) обладает логическим и сверхлогическим пониманием отношений между законами;
- 10) разумен в познании;
- 11) разумен в ценностях;
- 12) един, всемогущ и вечен [5, С. 1899–1900].

Ratio юридического рассуждения

В рамках «юридического поля» изложенные атрибуты действуют в качестве нормативной фикции [7, С. 83], позволяющей обосновать приписывание правовым текстам легитимных значений, представляя рассуждение (не только в трудных, но и в ясных случаях) как пример рационального дискурса.

Укорененность конструктов разумного законодателя в культуре юристов обнаруживается при экспликации оснований ключевых интерпретативных аргументов из юридической практики.

Так, *семантический* аргумент приписывает значение официальным текстам, полагая, что законодатель верно выразил волю, в силу чего значение толкуемого предложения (в отсутствие иной дефиниции) адекватно нормам языка [3, С. 307]. К разумности законодателя восходит и презумпция, по которой одинаковые термины употребляются для обозначения одинаковых, а разные — для обозначения разных вещей, а также требование связывать с каждым словом законодателя свой смысл [10, С. 180], [6, С. 120], [5, С. 1900].

Аргумент *a cohaerentia* также опирается на постулат непротиворечивости законодателя, исключая вывод о конфликте норм, адресованных одному случаю [3, С. 305], [1, С. 310]. Отсюда приписываемое значение должно быть совместимо с другими законами, особенно с конституцией, требуя достижения согласованности системы, в том числе через правила *lex superior*, *lex posterior* и *lex specialis* [6, С. 122], [9, С. 163]. Последние тоже отражают доктрину рациональности, обосновывая приоритеты презумпциями большей разумности вышестоящего законодателя, знания законодателем всего права и его намерения отменить старую норму, или же презумпцией особой регламентации конкретного случая [5, С. 1901].

Телеологический аргумент оправдывает приписывание значения правовым текстам, апеллируя к цели предписания, также восходя к постулату о стремлении законодателя к цели [3, С. 307], лучшим средством достижения которой и является рассматриваемая норма [1, С. 310]. Отсюда текст подлежит интерпретации в свете намеченных целей [6, С. 122], а норма полагается адекватной последним [9, С. 171], [5, С. 1900].

Исторический аргумент оправдывает приписывание тексту значения, отражающего исторически различную регламентацию оцениваемого случая. В его основе — также постулат вечного и консервативного законодателя, который, будучи способным издавать новые акты, не желает отходить от «духа» традиционных установлений [3, С. 307]. Отсюда при сомнениях в интерпретации решение обосновывается ссылкой на сложившиеся в регулировании смыслы [5, С. 1902].

Сказанное верно и для иных юридических аргументов [5, С. 1901–1903]: психологического, прагматического, аргумента к неизбыточности, справедливости, аналогии, *a contrario*, *sedes materiae* и *a rubrica*, *a fortiori*, а также аргумента *ad absurdum* с отрицанием любой интерпретации текста, подрывающей атрибуты разумного законодателя [1, С. 310], [6, С. 123].

Границы и импликации

Руководя рассуждением, рассматриваемая доктрина не дает механических решений. Она не является закрытой, не содержит универсальных метакритериев, устраняющих конфликты несовместимых правил, ее стандарты могут оказаться неясными и недостаточными для единственно верного ответа [8, С. 251].

В литературе называется два случая, когда судьи должны пожертвовать идеалом разумного законодателя: это ситуации, когда толкование текста не допускает сомнений, обязывая судью применить даже «абсурдный» закон [1, С. 313], и когда мнение (прежде всего юридического) сообщества столь чувствительно к делу, что судья вынужден его учесть даже вопреки воле «разумного» законодателя [9, С. 175], [6, С. 125]. Это показывает подвижность границ применения рассматриваемой доктрины к юридическому рассуждению (включая в нее стремление законодателя адаптировать право к социальному контексту [3, С. 207], [5, С. 1903]), а также ее неэксклюзивность в юридическом / догматическом дискурсе, конкуренцию с иными образцами рациональности.

Несмотря на это, у доктрины разумного законодателя важный функционал. В литературе подчеркивается ее роль как источника обоснованности официальных суждений [7, С. 80], [6, С. 114] и идеологической маскировки судебного выбора [10, С. 178], [9, С. 178], [5, С. 1904]. Меж тем, эта доктрина крайне значима для догматики как части «юридического поля». Она позволяет ученым-юристам вменить реальному законодателю модель рациональности, легитимируя отсутствующие в официальных текстах доктринальные конструкты в качестве нейтральных описаний права. Она также позволяет реконструировать правопорядок как автономную целостность, обосновывая ответ по юридическому делу сугубо на базе признанного набора средств и нормоположений. Наконец, она обеспечивает преобразование правопорядка, излагая его «в наилучшем свете» через более последовательное воплощение его начал и аппарат нейтрализации его дефектов [8, С. 251], [2, С. 293].

Заключение

Анализ доктрины разумного законодателя, помимо рефлексии оснований юридической деятельности, высвечивает важные аспекты методологии, политики и практики догматической юриспруденции.

1. Содержание и функции этой доктрины показывают особенности юридико-догматического рассуждения, идущие вразрез с образцами нейтральной объективной науки, демонстрируют роль догматики в оптимизирующей реконструкции правопорядка.

2. Здесь обнаруживается узость эссенциалистских учений о праве, ограниченных анализом «языка законодателя» и его проекций на правоприменительную практику, необходимых учета избранного аппарата конструирования права (включая дискурс догматики) при описании параметров правопорядка.

3. Сказанное ставит вопросы о современных основаниях легитимности как самой доктрины разумного законодателя, так и догматической юриспруденции в целом. Учет вовлеченности догматики в *praxis* права как института предполагает переопределение ее статуса и «политической программы», а также рефлексии ее установок в отношении дефектов правовых систем: от их дистанцированного описания до активной нейтрализации на базе избранных моделей «правового разума».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Боббио Н. Хороший законодатель / Н. Боббио. // Юридические коллизии: доктрины и интерпретации; — Санкт-Петербург: Алетейя, 2026. — С. 309–313.
2. Касаткин С.Н. Юридическая догматика: плюрализм методологических проектов и оптимизирующее описание права / С.Н. Касаткин // Правоведение. — 2025. — 2. — С. 271–302.
3. Нино К. Догматическая модель «разумного законодателя» / К. Нино. // Юридические коллизии: доктрины и интерпретации; — Санкт-Петербург: Алетейя, 2026. — С. 302–308.
4. Пермяков Ю.Е. Современная философия права: обзор основных проблем / Ю.Е. Пермяков. — Санкт-Петербург: Лань, 2023. — 516 с.
5. Ezquiaga Ganuzas F. Legal Arguments: A View from a Rational Legislator / F. Ezquiaga Ganuzas. // Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy; — Dordrecht: Springer, 2023. — P. 1898–1904.
6. Igartua Salaverria J. El postulado del legislador racional (entre metodología y mitología) / J. Igartua Salaverria // Revista Vasca de Administración Pública. — 1990. — № 28. — P. 113–126.
7. Nowak L. De la rationalité du législateur comme élément de l'interprétation juridique / L. Nowak // Logique et Analyse. — 1969. — № 45. — P. 65–86.
8. Núñez Vaquero A. Dogmática Jurídica / A. Núñez Vaquero // Eunomía. — 2014. — № 6. — P. 245–260.
9. Ost F. L'interprétation logique et systématique et le postulat de rationalité du législateur / F. Ost // L'interprétation en droit. Approche pluridisciplinaire. — Bruxelles: PUS, 1978. — P. 97–184.
10. Ziembinski Z. La notion de rationalité du législateur / Z. Ziembinski // Archives de philosophie du droit. — 1978. — T. 23. — P. 175–187.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bobbio N. Xoroshij zakonodatel' [Good legislator] / N. Bobbio. // Legal conflicts: doctrines and interpretations; — Saint Petersburg: Aletejya, 2026. — P. 309–313. [in Russian]
2. Kasatkin S.N. Yuridicheskaya dogmatika: plyuralizm metodologicheskix proektov i optimiziruyushhee opisanie prava [Legal dogmatics: pluralism of methodological projects and optimizing description of law] / S.N. Kasatkin // Jurisprudence. — 2025. — 2. — P. 271–302. [in Russian]
3. Nino K. Dogmaticheskaya model' «razumnogo zakonodatelya» [Dogmatic model of “rational legislator”] / K. Nino. // Legal conflicts: doctrines and interpretations; — Saint Petersburg: Aletejya, 2026. — P. 302–308. [in Russian]

4. Permyakov Yu.E. *Sovremennaya filosofiya prava: obzor osnovny'x problem* [Modern philosophy of law: an overview of the main problems] / Yu.E. Permyakov. — Saint Petersburg: Lan', 2023. — 516 p. [in Russian]
5. Ezquiaga Ganuzas F. *Legal Arguments: A View from a Rational Legislator* / F. Ezquiaga Ganuzas. // *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy*; — Dordrecht: Springer, 2023. — P. 1898–1904.
6. Igartua Salaverria J. *El postulado del legislador racional (entre metodología y mitología)* [The postulate of the rational legislator (between methodology and mythology)] / J. Igartua Salaverria // *Revista Vasca de Administración Pública* [Basque Journal of Public Administration]. — 1990. — № 28. — P. 113–126. [in Spanish]
7. Nowak L. *De la rationalité du législateur comme élément de l'interprétation juridique* [On rationality of legislator as an element of legal interpretation] / L. Nowak // *Logique et Analyse* [Logic and Analysis]. — 1969. — № 45. — P. 65–86. [in French]
8. Núñez Vaquero A. *Dogmática Jurídica* [Legal Dogmatics] / A. Núñez Vaquero // *Eunomía*. — 2014. — № 6. — P. 245–260. [in Spanish]
9. Ost F. *L'interprétation logique et systématique et le postulat de rationalité du législateur* [Logical and systematic interpretation and the postulate of legislator's rationality] / F. Ost // *L'interprétation en droit. Approche pluridisciplinaire* [Interpretation in law. A multidisciplinary approach]. — Brussels: USP, 1978. — P. 97–184. [in French]
10. Ziembinski Z. *La notion de rationalité du législateur* [The Notion of Legislative Rationality] / Z. Ziembinski // *Archives de philosophie du droit* [Archives of Legal Philosophy]. — 1978. — Vol. 23. — P. 175–187. [in French]